

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

А.С. Ложкина

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ЯПОНИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА 1930-х гг.

Образ другого государства в сознании правящей элиты является важным фактором принятия политических решений, особенно при формировании внешнеполитического курса страны. Сложившиеся представления о другой стране, о ее месте в мире, географии, истории влияют на развитие отношений между государствами.

Изучением взаимных представлений различных народов друг о друге занимается новое для отечественной исторической науки междисциплинарное направление — имагология. Несмотря на свою молодость, это — активно развивающаяся область исторического знания. Данное направление позволяет познать специфику и особенности не только другого, но и своего общества, так как, изучая чужой народ, мы сопоставляем себя с ним, а одновременно и противопоставляем, определяем свое место в мире. Как отмечает японский социолог Фудзии Такаси, «в равной степени нельзя вести речь о вкладе страны в международное сотрудничество, если у нее нет сознания принадлежности к мировой цивилизации и ответственности перед миром»¹.

Формирование представлений о «чужом» происходит двумя путями: в результате влияния различных источников информации, а также вследствие личных контактов. Следовательно, принятие тех или иных решений во многом зависит от информации, которая поступает руководству страны, а также от собственных впечатлений.

Объектом внимания статьи является советская политическая элита 30-х годов, которая в силу специфики сложивше-

Ложкина Анастасия Сергеевна — аспирантка кафедры истории Российского государства факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова.

гося положения в стране, как правило, не имела возможности посещения зарубежных государств, поэтому их представления о внешнем мире складывались под влиянием определенных информационных каналов.

На примере формирования образа Японии в данной работе будут проанализированы основные источники информации о внешнем мире, которые были в распоряжении советского руководства 1930-х гг., их специфика и значимость при выработке внешнеполитического курса СССР.

Предвоенное десятилетие — это сложный период взаимоотношений между Советским Союзом и Японией. Вторжение последней в Маньчжурию осенью 1931 г. стало актом агрессии, изменившим военно-политическое положение в Тихоокеанском регионе. С этого момента внимание советского руководства было обращено на дальневосточные границы, где теперь малочисленным частям РККА противостояла одна из лучших сухопутных армий, а также третий по величине флот в мире.

К началу 30-х гг. в СССР образ Японии представлял собой набор различных мифологизированных представлений, основой которых являлся миф о «желтой опасности», «островной хищнице», стране самураев и гейш. С другой стороны, Страна Восходящего солнца воспринималась как «маленькая страна», которая не сможет соперничать с огромными просторами, людским и военно-экономическим потенциалом страны Советов.

Образ Японии в представлениях советского руководства не был статичным, он подвергался изменениям и корректировкам под влиянием как внешних, так и внутренних факторов, в частности русско-японской войны 1904—1905 гг., интервенции Японии на Дальнем Востоке. Следовательно, среди политической элиты преобладало недоверчивое, настороженное отношение к Стране Восходящего солнца. Свежи еще были воспоминания об унижительном поражении 1905 г.

В целом, как и царское правительство, новая власть не имела четких представлений о дальневосточном соседе. В связи с угрозой нападения на восточные рубежи советское руководство нуждалось в более достоверной информации о Японии для выработки внешнеполитического курса.

Члены сталинского Политбюро в 30-е гг. были абсолютно несамостоятельными политическими фигурами, не имели собственного мнения, особенно при решении внешнеполитических вопросов². Все их взгляды и представления формировались под влиянием И.В. Сталина. Таким образом, вся информация, ко-

торая поступала о Японии, большей частью концентрировалась на рабочем столе вождя и только потом переработанная попадала к руководству страны.

Современное состояние архивных фондов таково, что невозможно в достаточной степени определить весь круг источников информации, которые влияли на принятие государственных решений, так как Сталин многие документы уничтожил.

Рассмотрим основные информационные каналы, которые формировали образ Японии в политическом сознании советского руководства 30-х гг. На основе анализа архивных материалов можно выделить пять типов источников.

Первый источник — это *доклады, сводки, сообщения ОГПУ—НКВД*. Система информирования через сводки начала складываться еще в период Гражданской войны, в годы НЭПа она получила дальнейшее развитие. Организация информационной работы была нацелена на получение полных и достоверных сведений по широкому и четко определенному кругу вопросов. Однако корпус документов ОГПУ—НКВД свидетельствует о том, что руководство этого ведомства чутко улавливало смену настроений в ЦК партии и в ряде случаев дозировало получаемую информацию³.

С началом японской агрессии в Маньчжурии «отец народов» предпочитал вести осторожную политику в отношении Японии, не допуская резких высказываний, так как он понимал, что Советский Союз еще не обладал достаточным военным потенциалом для отражения нападения со стороны японской армии. В письме от 23 сентября 1931 г. к Л.М. Кагановичу Сталин заметил: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас не целесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились»⁴.

Донесения Иностранного отдела объединенного государственного политического управления (ИНО ОГПУ) за 1931—1933 гг. свидетельствовали, что японцы энергично готовились к военной агрессии против СССР. Они изучали своего потенциального противника, отмечали его слабые стороны, активно занимались поиском союзников, даже среди мусульманских стран. Согласно секретной информации, японский генеральный штаб планировал нападение в наиболее уязвимый для Советский Союз момент, а именно в период сбора урожая, когда в стране будет трудно произвести мобилизацию.

Японское правительство, проанализировав международную ситуацию, рассчитывало использовать страх Запада перед «коммунистической опасностью» в целях завоевания новых

территорий. «Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении Сов[етским] Дальним Востоком и Восточной Сибирью» — произнес посол Хирота в беседе с генерал-майором Харада 1 июля 1931 г.⁵

В донесениях особо отмечалось, что японское руководство проводило активную пропаганду против СССР среди населения, тем самым оправдывая завоевательную политику, милитаризацию страны. Таким образом, в начале 30-х гг. Япония предстала перед членами Политбюро в образе мощного военного соперника, претендующего на господство в Тихом океане.

Ухудшение геополитической ситуации на Дальнем Востоке поставило советское правительство перед необходимостью ускоренной подготовки дальневосточных районов к возможной агрессии со стороны Японии. Уже в начале 1932 г. принимается решение о развитии военно-промышленного комплекса данного региона. Из постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 16 января 1932 г.: «Послать тт. Гамарнику и Бергавинову следующую телеграмму: “Предлагается вам принять все меры к максимальному развитию угольного производства в районе Дальнего Востока. Сообщите, сколько денег вам нужно на это дело, — отпустим все необходимые деньги”»⁶. Увеличивается численный состав сухопутных сил, улучшается техническое вооружение. Укреплялись также и военно-морские границы, в апреле 1932 г. начинается создание военно-морских сил Дальнего Востока. Советское руководство, анализируя обстановку в Китае, надеялось, что к моменту решения Японией маньчжурских дел страна Советов сможет с военной точки зрения дать достойный отпор.

Таким образом, в целях защиты рубежей начинается активное развитие Дальневосточного региона, а восточное направление во внешней политике становится одним из приоритетных.

Анализ переписки Сталина с Кагановичем и Молотовым показывает, что в начале 30-х гг. лидеры государства придерживались курса ухода от конфронтации между нашими странами, обосновывая это сложной внутренней ситуацией, слабым международным положением, отсутствием политических союзников, помощи извне, а главное — СССР стоял перед угрозой нападения сильного, но неизвестного соперника. Также на решение взять курс на политику «умиротворения» повлияло то обстоятельство, что Советский Союз, в отличие от Японии, не обладал достаточным опытом ведения крупномасштабных военных действий.

Однако к концу 1933 г. отношение Сталина к Стране Восходящего солнца меняется. Началом антияпонской кампании послужило письмо вождя Кагановичу: «По-моему, пора начать широкую, осмысленную (не крикливую!) подготовку и обработку общественного мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии»⁷.

Одной из причин изменения представлений о дальневосточном соседе стали секретные донесения, согласно которым японский генеральный штаб был сильно озабочен стремительным увеличением сил Советского Союза на Дальнем Востоке: «...подсчет, сделанный японским штабом, ясно показал, что советское правительство на Дальнем Востоке обладает настолько внушительной силой воздушного флота, против которого японское командование не может противопоставить не только наступательной, но даже оборонительной силы»⁸. Сталин отметил это сообщение как интересное и полезное и рекомендовал его к прочтению Ворошилову. Следовательно, исходя из поступившей информации, рушится представление о превосходстве, непобедимости японской армии. Данный документ так же свидетельствует о том, что силы и средства, направленные на укрепление дальневосточных границ, дали свои первые результаты, что придало уверенность руководству страны, подняло авторитет Сталина в глазах широких масс населения как автора курса социалистической модернизации.

С другой стороны, анализ внешней политики показывает, что правительство Советского Союза взяло курс на подписание пакта о ненападении со Страной Восходящего солнца. Связано это было с информацией о росте вооружения японской армии, о поиске Японией новых союзников в возможном противостоянии с СССР. Весной—летом 1934 г. Сталину все чаще сообщалось о вероятном нападении дальневосточного соседа на Страну Советов: «...ни одна из великих держав в настоящее время не может помешать Японии; б) что Японии нужно воевать до предстоящей морской конференции, т.к. после конференции ее руки в войне с СССР могут быть связаны сговором великих держав. 3) Япония уверена, что, начав войну с СССР, она не останется одинокой, т.к. на СССР нападут, воспользовавшись этим случаем, Польша и Германия, даже если и не наступит франко-германско-польского соглашения. 4) СССР никто не поможет, а Японии помогут материально. 5) Америка обессилена кризисом на несколько лет и останется нейтральной»⁹. «Япония в течение ближайших 1—2 месяцев начнет войну с СССР. Наступление японцев должно начинаться бомбардировкой Владивостока»¹⁰.

Японцы основательно готовились к наступательной операции. Учитывая увеличение вооруженных сил на Дальнем Востоке, они внимательно следили за всеми новинками военной техники, которые приобретал Советский Союз за границей¹¹, проводили анализ состояния Красной Армии, в том числе морального духа солдат и высшего командного состава. К середине 30-х гг. японское командование имело информацию обо всех плюсах и минусах советской армии, и, конечно, оно учитывало это при выработке стратегии нападения. Все эти сообщения настораживали руководство СССР, так как оно понимало, что в советских вооруженных силах существовало еще много проблем.

Однако обстановка в самой японской армии была неспокойной. Связано это было с нестабильной ситуацией в стране, стремлением военных кругов быстрее напасть на Советский Союз, с чем были не согласны политические и промышленные круги. С одной стороны, японцы хотели воевать с СССР и показать миру свою мощь в борьбе с сильным соперником, чтобы тем самым поднять свой международный авторитет. С другой стороны, они боялись, что не смогут развить успешных действий на первом этапе, это в свою очередь подорвет боевой дух армии¹², и перед мировым сообществом Япония предстанет в образе государства, не способного вести полномасштабную войну, без четкого курса действий и стратегий. Однако больше всего они боялись, что их опять больше будут ассоциировать с Востоком, чем с Западом, и назовут плохими «учениками». Поэтому японцы продолжали укреплять моральный дух армии, оснащали ее более совершенным вооружением.

Следует обратить внимание на то, что если в начале 30-х гг. японское правительство в представлениях советского руководства оценивалось как расчетливое, имеющее четкий политический курс, то к 1935 г. оно характеризуется как беспорядочное, неорганизованное, без четкой «генеральной линии»¹³. Данная точка зрения была основана на полученной информации о нестабильной политической обстановке в Японии, о часто сменяющихся кабинетах министров.

Анализ событий показывает, что в политике советского руководства в отношении Японии во второй половине 30-х годов преобладала большая доля предупредительной осторожности, адекватной реакции, чем «жесткости» и конфронтационности. Сложное геополитическое положение Советского Союза, наращивание политической напряженности в Европе, непрямая внутренняя ситуация в стране не позволяли советской дипло-

матии проявлять достаточную жестокость в дальневосточной политике.

Донесения ОГПУ—НКВД играли определяющую роль в функционировании властного механизма и информационного обеспечения сталинского режима. Значимость данного информационного канала подчеркнул в своем выступлении на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г. нарком иностранных дел М.М. Литвинов. Однако, являясь важным источником информации о Японии для советского руководства, в основном эти донесения освещали политические, экономические и военные вопросы, игнорируя сведения о психологии, традициях японцев, о специфике восприятия ими внешнего мира, что делало сообщения односторонними и не давало полного представления о дальневосточном соседе. С другой стороны, данный информационный канал перед собой таких задач не ставил.

Другим значительным каналом формирования представлений о внешнем мире были *встречи членов Политбюро с представителями иностранных отделов, с дипломатами*. В качестве яркого примера получения и анализа информации, а также процесса выработки советским руководством политики в отношении Японии можно привести стенограмму беседы И.М. Калинина с представителями ИНО ОГПУ в мае 1934 г.

Согласно документу, на встрече обсуждались вопросы, охватывающие различные аспекты жизни японского общества. Калинин в первую очередь проявил интерес к положению в Японии рабочих, что свидетельствует о влиянии и роли марксистских идей на сознание политической элиты. Также данные сведения были полезными для пропаганды социальных преимуществ советского режима как в Японии, так и в СССР. В стенограмме на основе анализа вопросов и ответов участников встречи прослеживается специфика формирования психологии новой политической элиты, отражаются ее приоритеты.

«В текстильной промышленности работают главным образом женщины и работают они на других условиях: их туда почти продают, жалование получают не они, а их родители. Работницы живут при фабрике и питание получают там. Стоимость такого питания составляет 15 сен в день. Как живут японцы: дома некаменные. Комната, в которой живут, представляет собой большую кровать, потому что спят на полу. Пол мягкий — покрыт сплетенными из травы матами. На маты измеряется площадь комнаты. На эти маты расстилаются тюфяки. При входе в комнату обязательно снимают обувь, остаются в чулках. Такие же условия на заводе»¹⁴, — отметил собеседник Калинина.

Алыпов (сотрудник ИНО), учитывая вечную проблему России, подчеркнул, что в Японии великолепные дороги, распространены велосипеды. Это является важным показателем развития инфраструктуры страны.

Особый интерес у Калинина вызывала информация об отношении японцев к власти. Один из сотрудников отметил, что оппозиционные настроения имеют место не во всех слоях, а в основном у передовой части студенчества и рабочих, крестьяне к императору относятся с большим почтением¹⁵. Это характеризует японцев как приверженцев традиционализма и свидетельствует о том, что, несмотря на капиталистический путь развития, сознание японцев оставалось патриархальным. С одной стороны, Япония развивалась по капиталистическому пути, тяготела к западным ценностям. Однако, с другой стороны, она оставалась верна традициям, сохраняла восточные черты в понимании мира.

Также сотрудники ИНО обратили внимание Калинина на культурность японцев. «Если взять нашего старого крестьянина и японского, то надо сказать, что японский гораздо культурнее и рабочий культурнее. Все читают. В свободное от работы время рабочий читает какую-нибудь газету или журнал. У них, между прочим, очень дешевая литература. Массовая литература используется для такой шовинистической пропаганды. У них много детской, женской литературы. Литературы много и она дешевая»¹⁶. Эти сведения значительно расширили представления советской элиты о развитии японского общества. Японцы уже не представлялись необразованными, дикими «мартышками». Данная информация свидетельствует об активной политике японского правительства в области манипулирования сознанием масс через расширение доступности образования, а также литературы. Это были важные сведения для советского руководства о каналах воздействия власти на массы, которую можно было использовать и в своих целях.

В ходе беседы Калинин сделал ряд заключений: «Японцы физически очень выносливы, культурны, материальных ценностей в смысле построек в Японии нет». Однако особо отметил, что Япония своеобразная страна. «Возьмите такой характерный пример: описание частной жизни руководителей и вождей, пишут — такой то человек был бы хорош, но он сильно пьет, и это публикуется. Это тоже своеобразие. Очевидно, это бытовая сторона. Или народ настолько вырос и правительство с этим мирится, или это просто буржуазная сенсация»¹⁷.

Подобные заявления в совокупности с другими фактами дают основания полагать, что советской элите было трудно до конца понять японскую культуру. Особенности поведения людей, их отношение к окружающему миру для них были «чужими», а следовательно, вызывали антипатию. Культурно-цивилизационные различия еще более усугубляли непонимание между странами, тем самым усиливая отрицательный образ Страны Восходящего солнца. В качестве примера можно привести следующие размышления всероссийского старосты: «Японский крестьянин отрицательно относиться к помещикам, но не к власти, в России же — отрицательное отношение было и к царизму и к двору»¹⁸.

Другой важной темой, которой интересовался Калинин, был вопрос о моральном облике и дисциплине в японской армии, так как эта проблема была актуальной для советской политической верхушки (донесения свидетельствовали о распространении пьянства и увеличении процента самоубийств в рядах РККА). Также эти сведения были важны для определения слабых и сильных сторон Японии, психологической устойчивости японского общества, оценки военного потенциала, т.е. они позволяли определить геостратегические возможности дальневосточного соседа.

«В моральном отношении она сильнее всех буржуазных армий, конечно. Во-первых, большое значение имеет единый национальный состав, потом то, что демократичность там бóльшая, чем во всех других армиях. Конечно, во время службы они ничего не позволят, но когда полковой праздник и выпьют, тогда ефрейтор может и обнять полковника, и ему ничего не будет. Сейчас проводится подготовка в смысле технического оснащения армии и укрепления морального состояния армии. До сих пор они обороной и тактикой не занимались. Сейчас они стали очень сильно этим заниматься»¹⁹, — отметил в личной беседе с Калининым представитель ИНО НКВД.

Это укрепляло образ Японии как сильного соперника. Достоинства японской армии отмечал командарм 1-го ранга И.П. Уборевич на совещании в Западном обкоме ВЛКСМ в 1936 г.: «Япония имеет большую армию, одну из лучших армий в мире, с особо замечательным офицерским составом. Там офицер и начальник — почти родной отец. Он уходит из казармы только после того, как поужинает солдат. Там офицер учит солдат очень настойчиво, умело держит их в своих руках»²⁰. Взаимоотношения между военными в японской армии свидетельствовали о состоянии развития японского общества. В 30-е годы в Японии сложилась государственная систе-

ма кокутай²¹. Для нее было характерно полное растворение личности и подчинение ее интересам государства. Жили все как одна семья, в роли отца был император. Японскому правительству отлично удалось применить лозунг «одна нация — одно сердце» для создания крепкой дисциплинированной армии. Это был важный момент и отличный пример для размышления руководству СССР, так как для советского сознания также был присущ дух коллективизма, патерналистские отношения.

Одной из главных проблем, которая обсуждалась на встрече, была готовность Японии воевать с Советским Союзом. По мнению представителей иностранного отдела, «японцы усиленно готовятся к войне. И затем хотят возможно быстрее начать войну, начать ее первыми. Японцы думают, что мы можем начать войну. Они пишут повсюду о красном империализме. Когда мы показали себя на КВЖД, они увидели, что мы представляем действительно силу, они убедились, что голыми руками нас не возьмешь. Ну, а затем они учитывают международную обстановку. Японцы не могут начать войну с нами до тех пор, пока у них не будет большей уверенности, чем есть сейчас, в успешности войны с самого начала. Они слишком боятся изменения психологии солдат. Солдаты пойдут в бой, но что будет с солдатами через 2—3 мес., если бои не будут наступательными»²².

Таким образом, данные заявления еще раз подтвердили информацию о готовности Японии воевать с СССР, несмотря на внутренние проблемы. Конфликт с Советским Союзом для Страны Восходящего солнца был средством показать западным странам свою мощь, силу и претензии на мировое лидерство. С другой стороны, советское правительство также считало, что война с Японией поднимет его авторитет на международной арене. Об этом говорят заявления, сделанные членами правительства: «Надо, чтобы было распространено мнение, что Япония сильна. Если мы нанесем Японии сокрушительный удар в первые 3 мес., можно быть спокойным за границу на Западе. Нам было бы очень выгодно подраться с Японией и основательно побить ее. Если бы мы победили Японию, то ни одна сволочь на Западе после этого не сунулась бы к нам. А война с Японией не несет такой непосредственной опасности»²³.

Данный пример подтверждает, что советские лидеры не видели в Японии главного соперника. Образ Японии как врага, как сильного государства использовался руководством для сохранения и увеличения своей власти, мобилизации челове-

ских ресурсов для решения поставленных задач, подавления внутренней оппозиции, что позволило ему сфокусировать внимание населения не на внутренних проблемах, а на проблеме внешней опасности. Также образ сильного государства необходим был СССР для проведения политики коллективной безопасности, реализации своих геополитических интересов как на Западе, так и на Востоке.

В заключение разговора Михаил Иванович потребовал от представителей ИНО в кратчайшие сроки предоставить информацию, которая позволила бы составить полную картину о Японии, что, в свою очередь, поможет выработать окончательный курс в советско-японских отношениях.

- 1) Сила сопротивляемости маньчжурских партизан.
- 2) Размеры потерь в Маньчжурии.
- 3) Анализ внутреннего развития Японии, что толкает Японию на эти бесконечные авантюры.
- 4) Какое политическое влияние имеет легкая промышленность среди правящих кругов.
- 5) Точные данные производства военной промышленности.
- 6) Стоимость Маньчжурии (плюсы и минусы). Я считаю, что у них 10—15 тыс. убитых²⁴.

Таким образом, через процесс получения и анализа секретных сведений от представителей ИНО ОГПУ шло формирование политической линии в отношении Японии.

К сожалению, из-за отсутствия документов невозможно точно определить, насколько частыми были такие встречи, но то, что они были информативными и во многом расширяли, дополняли представления политической элиты, сомневаться нельзя.

Следующим информационным каналом являлись ежедневные обзоры иностранной прессы, сообщения, подготовленные *Все-союзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС)*. Эта общественная организация была создана в 1925 г. с целью «...развития научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и отдельными научными и культурными работниками Союза ССР и заграницей»²⁵. ВОКС имело значительное представительство в Японии, активно развивало отношения с местными общественными организациями, распространяло информацию о советском обществе, налаживало контакты различного характера.

Особенность и отличие ВОКСа как информационного канала в том, что оно кроме политических, экономических сведений предоставляло информацию о культурных, научных достиже-

ниях японского общества, о его быте, традициях, т.е. освещало многие аспекты жизни Страны Восходящего Солнца.

Большой интерес представляют письма Ф.Н. Петрову²⁶ уполномоченного Всесоюзного общества культурных связей в Японии профессора, знатока японского языка и культуры Е.Г. Спальвина. В них раскрываются неизвестные стороны японской культуры, выделяются особенности японского менталитета, общее и особенное в развитии двух стран, а также автор пытается предложить возможные пути сближения соседей. Спальвин пытается показать, что японцы — это не только военная нация, но и народ с богатыми традициями, отмечает их способность впитывать достижения других культур и адаптировать их потребностям общества. Так, уполномоченный ВОКС отмечает подъем музыкального искусства в Стране Восходящего Солнца: «Японцы вносят за последнее время очень много в область виртуозных музыкальных выступлений. Можно даже сказать, что есть у них имена, пользующиеся весьма большой международной известностью»²⁷.

Уже в начале 30-х гг. Е.Г. Спальвин подметил у японцев стремление к инновациям, к техническим изобретениям: «В прошлом году в Осаке я присутствовал в театре Сиоцикудза при том, как всю дивертисментную часть снимали от начала до конца теми аппаратами, которые позволяют делать моментальные снимки без магния или, как то делается за последние 2—3 месяца, при помощи вспышки»²⁸.

Японию он характеризует как страну, идущую по капиталистическому пути развития. Японские бизнесмены отличаются изобретательностью, выдумкой. Активно развивается рекламная индустрия. Спальвин акцентировал внимание руководства страны на том, что для улучшения отношений между странами необходимо развивать торговые связи, т.к. японцы лучше понимают, воспринимают и узнают страну через товары, сувениры. Маленькие заметки о быте, об их восприятии вещей в совокупности представляли значительный материал для понимания поведения японского правительства на международной арене, а также эта информация формировала образ Японии как страны, сочетающей в себе элементы восточной и западной культуры, что делало ее особенной, а с другой стороны, загадочной.

Однако анализ выбранного Советским Союзом внешнеполитического курса в отношении Японии показывает, что данная информация была для советского руководства дополнительной, но не определяющей при принятии политических решений. В основном она носила познавательный характер, расширила

представления политической элиты о социокультурном развитии японского общества.

Одним из каналов получения информации о внешнем мире, который использовался руководством страны, были информационные *сводки Телеграфного агентства Советского Союза*. ТАСС совместно с телеграфными агентствами советских республик, корреспондентской сетью в стране и за рубежом образовывало единую государственную информационную систему СССР.

Составляемые сводки в основном содержали информацию о политических, экономических событиях и отражали негативные стороны жизни зарубежных стран. Это подтверждает переписка Сталина с соратниками. Так, в письме Кагановича и Молотова вождю сообщалось, согласно донесению ТАСС: «22-го августа японской жандармерией в Харбине была арестована конторщица материальной службы КВЖД тов. Головина и заключена в помещении жандармерии на Почтовой улице. Через некоторое время она была вызвана для допроса в другое помещение, где к ней при допросе были применены следующие бесчеловечные пытки: между пальцами рук ей были положены металлические бруски, причем пальцы связывались веревкой, которую сильно затягивали, так что Головина теряла сознание. Далее на допросах тов. Головиной избивали кулаками лицо и голову, вырывали волосы и лили воду в рот и нос. Все эти пытки производились японскими служащими»²⁹.

ТАСС был самым доступным информационным каналом о внешнем мире для политической элиты. Однако эта информация была ограниченной, не носила аналитического характера и, таким образом, не давала полного представления о жизни зарубежных стран.

Другим источником информации, который заслуживает внимания, была *научная литература*. Однако возникает вопрос: «А кто выбирал эту литературу, прежде чем она поступала на стол вождям?». Данный канал не является прямым источником информации и несет в себе большую долю субъективизма, тем не менее научное слово имело значительное влияние на формирование сознания.

В личном фонде Сталина хранятся две книги о Японии, которые отражают процесс формирования представлений о Стране Восходящего Солнца у вождя, показывают переосмысление им сведений о загадочном восточном государстве. Это «Военно-фашистское движение в Японии» и работа профессора Т.О. Конроя «Японская угроза». Первая книга была напи-

сана для командно-политического состава ОКДВА партактива Дальневосточного края, а также для научных работников. В дальнейшем Сталин рекомендовал ее для массового читателя, так как в этой работе было показано истинное лицо фашизма, разоблачалось японское правительство, что служило отличным инструментом пропаганды.

В работе Конроя дается характеристика психологии, быта, традиций японского общества. Согласно сделанным пометкам Сталина, в представлении «отца народов» японцы — это сволочи, мерзавцы. Особые эмоции вызвал у него следующий отрывок: «Во время налета полиции на этот храм в темных углах были найдены искалеченные помешанные женщины, в то время как их «охранители» были застигнуты за азартной игрой на бумажные деньги, обгаренные кровью. Монахи испражнялись на группы беспомощных женщин, из которых многие были мертвы, некоторые уже долгое время, и тела их разлагались»³⁰.

Итак, японцы предстали перед советским руководством в образе нации с дикими, патриархальными традициями. Если судить по заметкам Сталина, у вождя сложилось негативное отношение к культуре и быту японцев, полное непонимание их обычаев и нравов. Однако все, что способно вызвать у конкретного человека ненависть и неприятие, нередко оказывается проекцией собственных вытесненных представлений и чувств.

В целом в 30-е гг. советская политическая элита имела приблизительные представления о Японии, так как информацию большинство из них получали из «вторых рук» и только самую необходимую. При отсутствии достоверной информации о внешнем мире представления искажаются и обрастают различными домыслами и стереотипами, это накладывает определенный отпечаток на принятие политических решений.

Анализ архивных фондов показывает, что основными и важными каналами формирования образа Японии у советской политической элиты были донесения, сводки ОГПУ—НКВД, личные встречи с представителями этой организации, обзоры, подготовленные ВОКСом, информация ТАСС и научная литература.

Однако образ Японии данными источниками формировался односторонне, упрощенно, без учета японской психологии, их достижений в науке, технике и культуре. В ожидании военной угрозы политические и экономические сведения, которые предоставляло ОГПУ—НКВД, являются главными, но они не дают полной информации о другой стране. Важно знать не только эти аспекты развития общества, но и его культуру, особенно-

сти мировосприятия. Они являются необходимыми для понимания политики другого государства, а также для нахождения компромисса и налаживания отношений, о чем информировал ВОКС.

В результате в сознании советской элиты сложился негативный образ Японии, которая представлялась как агрессивная страна с дикими нравами и традициями, военная соперница, стремившаяся завоевать дальневосточные территории СССР.

Несмотря на ограниченность получаемой информации, в течение 1930-х гг. образ Японии у советской политической элиты не был статичным, он развивался под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. По сравнению с царской властью руководство СССР имело более глубокие и широкие знания о дальневосточном соседе, оно более адекватно оценивало и представляло себе военно-экономический потенциал японского государства.

Примечания

1. Цит. по: *Чугров С.В.* Социокультурное пространство и внешняя политика современной Японии. М., 2007. С. 25.
2. *Павлова И.В.* Механизмы власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 182—183.
3. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 146.
4. Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. / сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001. С. 116.
5. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 185. Л. 2.
6. ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917—1941 / сост. Г.М. Адиебеков, Ж.Г. Адиебекова, Х. Вада и др. М., 2001. С. 75.
7. Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М., 2001. С. 396.
8. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 186. Л. 12.
9. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 187. Л. 36—37.
10. Там же. Л. 24.
11. Там же. Л. 37.
12. РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 6. Д. 67. Л. 158.
13. Там же. Л. 154.
14. Там же. Л. 148.
15. Там же. Л. 151—153.
16. Там же. Л. 152.
17. Там же.
18. Там же. Л. 157.
19. Там же.
20. Два очага опасности (Выступление командующего Белорусским военным округом командарма 1 ранга И.П. Уборевича на совещании в Западном обкоме ВЛКСМ в 1936 г.) // Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С. 39.

21. *Чугров С.В.* Социокультурное пространство и внешняя политика современной Японии. М., 2007. С. 107.
22. РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 6. Д. 67. Л. 159.
23. Там же. Л. 164.
24. Там же.
25. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
26. Петров Федор Николаевич — председатель Всесоюзного общества культурных связей с границей с 1929 по 1933 г.
27. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 73. Л. 30.
28. Там же. Л. 118.
29. Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М., 2001. С. 470.
30. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 98. Л. 60.